

УДК 343

РЕЖИМ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ ПРЕДВОЕННОГО ПЕРИОДА: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОММЕНТАРИЙ**Упоров Иван Владимирович,**

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Российская академия естествознания, г. Краснодар

uporov@list.ru

Аннотация

В статье исследуются основные требования и особенности обеспечения режима содержания заключенных в исправительных лагерях (ИТЛ), функционировавших в советском государстве в предвоенный период (середина 1930-х гг. - 1941 гг.). При этом акцент делается на оценках политико-правового характера. Соответственно анализируются нормативно-правовые акты, регулировавшие режимные условия отбывания заключенными наказания в виде лишения свободы, другие официальные документы, издаваемые различными органами государственной власти; привлекаются суждения авторов публикаций, в которых затрагивается заявленная тема. Отмечается, что ИТЛ были созданы на рубеже 1930 г., и в дальнейшем в них последовательно ужесточался режим содержания заключенных, что отражало укрепление в стране административно-командной системы и политику усиления политических репрессий, при которой режимные требования определялись ведомственными актами НКВД СССР. При этом администрацией ИТЛ режимные требования нередко нарушались в связи с экономическим фактором, так как заключенные использовались государством в качестве дешевой рабочей силы, и руководство ГУЛАГа, равно как и НКВД СССР, требовало неукоснительного выполнения установленных планов, и эта задача была приоритетной. В целом в рассматриваемый период сложилась нормативно-правовая база обеспечения режима содержания заключенных в ИТЛ, которая частично функционировала в годы Великой Отечественной войны, и была основой для регулирования этого вопроса до рубежа 1960 г., когда ИТЛ как вид исправительно-трудовых учреждений были упразднены.

Ключевые слова: исправительно-трудовые лагеря, заключенные, режим, инструкция, жалобы, ГУЛАГ, пенитенциарная политика.

THE CONDITIONS OF PRISONERS IN PRE-WAR CORRECTIVE LABOR CAMPS: A POLITICAL AND LEGAL COMMENTARY**Uporov Ivan Vladimirovich,**

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,

Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar

uporov@list.ru

ABSTRACT

This article examines the fundamental requirements and specific features of prisoner detention in penal camps operating in the Soviet Union during the pre-war period (mid-1930s–1941). Emphasis is placed on political and legal assessments. Accordingly, the article analyzes legal acts governing prison conditions for prisoners serving their sentences, as well as other official documents issued by various government agencies. The article also draws on the opinions of authors of publications that address this topic. It is noted that the penal camps were established at the turn of the 1930s, and that prisoner detention conditions were subsequently consistently tightened, reflecting the strengthening of the administrative command system in the country and the policy of intensifying political repression, under which prison requirements were determined by departmental acts of the NKVD of the USSR. At the same time, the camp administration frequently violated prison regulations due to economic factors, as prisoners were used by the state as cheap labor. The GULAG leadership, as well as the NKVD of the USSR, demanded strict adherence to established plans, and this was a priority. Overall, during the period under review, a legal framework for ensuring prisoner conditions in the camps was established. This framework remained partially in effect during the Great Patriotic War and served as the basis for regulating this issue until the 1960s, when the camps were abolished as a type of correctional labor institution.

Keywords: correctional labor camps, prisoners, regime, instructions, complaints, GULAG, penitentiary policy.

В советской пенитенциарной политике первоначально имел место однозначно гуманный вектор развития, что вытекало из программы РКП(б), принятой в 1919 г., согласно которой «в области наказания ... суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, вводя как меру наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов» [1]. Такая политика закреплялась в законах и других нормативных актах (УК РСФСР 1922 и 1926 г., ИТК РСФСР 1924 и др.). Однако с середины 1920-х гг. ситуация в стране стала меняться в сторону укрепления административно-командной системы управления обществом и государством, что объяснялось властью прежде всего усилением классовой борьбы. Соответственно менялась и система исправительно-трудовых учреждений. В 1929 г. были приняты изменения в уголовное и исправительно-трудовое законодательство, в частности, предписывалось расширить практику трудоустройства заключенных «в целях колонизации» отдаленных районов с суровым климатом и «эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы» [2] (с того времени заключенные будут активно использоваться как дешевая рабочая сила на строительстве и эксплуатации множества объектов, и прежде всего в отдаленных районах страны). В 1930 г. СНК СССР утвердил Положение об исправительно-трудовых лагерях (далее – ИТЛ) [3]. И поскольку в ИТЛ наказание отбывали в основном «социально чуждые», нетрудовые и «контрреволюционные» элементы, то законодателем в части определения режима содержания заключенных, их трудоустройства и исправления был взят на вооружение классовый признак [4, с. 156]. Тогда же, в 1930 г. был создан печально известный ГУЛАГ, которому, помимо лагерей, позже были переданы также исправительно-трудовые колонии

(заменявшие дома заключения, исправительно-трудовые дома и трудовые колонии) и спецпоселения.

Соответственно изменениям пенитенциарной политики с рубежа 1930-х гг. режим содержания в ИТЛ становился все более строгим, это касалось и охраны ИТЛ. Затем с середины 1930-х гг., как известно, стали ужесточаться политические репрессии, причем в отношении самых разных категорий лиц [5; 6; 7 и др.], и это обстоятельство также влияло на режимные требования в ИТЛ и охраны этих учреждений непосредственно в предвоенный период. Теоретическое обоснование такого подхода в 1936 г. дал, в частности, видный советский деятель сталинского периода доктор профессор А.Я. Вышинский отмечал «Ожесточенная классовая борьба, сопротивление врагов социализма обуславливают необходимость беспощадного подавления всякого рода сопротивления врагов рабочего класса и их агентуры. Исправительные лагеря, как и ряд других мест лишения свободы действующей в СССР системы исправительно-трудовых учреждений, предназначены для осуществления этого подавления. При помощи революционного насилия эти лагеря локализуют и обезвреживают преступные элементы старого общества, поднимающиеся против социализма... но, применяя насилие, подавляя и принуждая врагов пролетарского общества к прекращению борьбы против пролетарской революции и пролетарского государства, советская власть не ограничивается только одной задачей подавления ... Эта новая, качественно иная природа насилия в пролетарском государстве приводит государственные учреждения, советскую власть к необходимости сочетать с элементами насилия, подавления и принуждения элементы убеждения, воспитания, при помощи которых так называемые преступники получают возможность вновь вернуться к честной трудовой жизни» [8, с. 7].

В контексте такой позиции принимались соответствующие меры применительно к ИТЛ по определенному укреплению режима содержания заключенных. Так, известный исследователь ГУЛАГа О.В. Хлевнюк указывает на то, что уже в мае 1937 руководство НКВД издало два циркуляра, которые предусматривали создание во всех тюрьмах и колониях карцеров, проведение регулярных обысков заключенных [9, с.368]. А согласно изданному в 1938 г. Приказу НКВД СССР (в ведение этого ведомства в 1934 г. была передана вся система мест лишения свободы), в котором отмечались многие недостатки в организации охраны ИТЛ («Грубейшие нарушения караульно-конвойной службы и побеги из-под конвоя увеличились...»), среди прочего предписывалось: «оборудовать зоны лагерных подразделений ограждением, освещением, связью, сигнализацией и вышками ... создать нормальные жилищно-бытовые условия для личного состава охраны» [10, л.1-4]. Здесь важно подчеркнуть, что ИТЛ только еще предстояло оборудовать ограждением, освещением и вышками, после чего они приняли вид, привычный для населения СССР и для сегодняшнего понимания ГУЛАГа. Такие ограждения существенно ограничивали свободу передвижения заключенных, и, тем не менее, это решение было принято не на уровне закона, а ведомственным актом, при этом нет никаких ссылок на действующего тогда и второй по счету ИТК РСФСР 1933 г., то есть, ведомственных акты НКВД в части регулирования вопросов исполнения лишения свободы, с того времени стали иметь больший вес, чем закон.

В числе актов НКВД СССР, определяющих режим в ИТЛ, следует выделить утвержденную в 1939 г. Временную инструкцию о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях (далее – Инструкция-1939) и такую же инструкцию применительно к исправительно-трудовым колониям, принятую годом позже. Помимо этого, были приняты такие нормативные акты, как Временная инструкция о режиме содержания заключенных в штрафных изоляторах ИТЛ и ИТК НКВД СССР 1939 г., Положение о тюрьмах НКВД СССР 1940 г. и др.

Наиболее объемной и содержательной была Инструкция-1939 [11]. В этом акте имелось 152 статьи, охватываемые 12 разделами. в числе которых: Общие положения; Обязанности и права заключенных; Порядок передвижения заключенных; Свидания; Передачи (посылки); Переписка; О порядке допуска заключенных на административно-технические должности; Меры поощрения и взыскания; Штрафной режим; Порядок содержания следственных заключенных; Порядок передачи и направления жалоб и заявлений заключенных; О порядке извещения о смерти заключенных и выдаче вещей умерших родственникам. В первой же статье указывается, что режим содержания заключенных должен обеспечить следующие задачи: надежную изоляцию преступников, осужденных за преступления, предусмотренные уголовным кодексом; организацию порядка содержания заключенных в лагере, обеспечивающего наиболее эффективное использование труда заключенных. Как видно, главное было надежно изолировать заключенных и выжать из них максимально возможный хозяйственно-экономический потенциал [12], учитывая, что заключенные, как отмечалось выше, становились в качестве рабочей силы важнейшим фактором советской экономики.

В ст. 35 Инструкции-1939 каждый заключенный обязан был работать по назначению администрации ИТЛ, в случае отказа заключенные подлежали переводу на штрафной режим, а злостные отказчики, своими действиями разлагающие трудовую дисциплину в лагере, привлекались к уголовной ответственности. В свободное от работы время до отбоя заключенным разрешалось посещение в пределах лагпункта медико-санаторных, культурно-воспитательных учреждений (больниц, амбулаторий, бань, школ, кружков, библиотек и т. д.) и отдых в бараках. Что касается свиданий заключенных с родственниками, то они разрешались (в расположении лагеря) только при условии выполнения заключенными производственных норм и соблюдения лагерного режима. Свидания предоставлялись 1 раз в 6 месяцев, а в порядке поощрения лучшим производственникам до 1 раза в 2 месяца. Заключенным, осужденным за государственные и иные тяжкие преступления, свидания разрешались только с санкции начальника ГУЛАГа НКВД. По ряду других преступлений – только с разрешения начальника лагеря по обязательному согласованию с 3-м Отделом. Свидания в присутствии охраны допускались с письменного разрешения начальника района (отделения) или отдельного лагерного пункта на срок до 8 часов, но не более 2 часов в сутки. Таким образом, краткосрочные свидания могли иметь место в течение четырех суток. Личные свидания (по нынешней терминологии – длительные) предоставлялись с письменного разрешения начальника управления ИТЛ только с прямыми родственниками (женой, мужем, родителями, детьми) заключенных на срок не более 5 суток [11]. В целом нормы о свиданиях следует признать достаточно гуманными.

В Инструкции столь же детально регулировались вопросы, связанные с жалобами и заявлениями заключенных. Указывалось, в частности, что каждый заключенный имеет право подавать жалобы и заявления, как в письменной, так и в устной форме. Кроме непосредственного приема жалоб и заявлений администрацией лагпункта, в каждом лагерном пункте должны были быть ящики для жалоб, адресованных Народному комиссару внутренних дел Союза ССР, начальнику ГУЛАГа, прокурору Союза ССР, начальнику лагеря и прокурору по надзору за лагерем. Ящики предписывалось опечатывать печатью Управления ИТЛ. Они могли вскрываться только доверенными лицами от начальника Управления ИТЛ не менее 1 раза в 5 дней. Жалобы и заявления заключенных, адресованные на членов Политбюро, секретарей ЦК ВКП(б), в ЦК ВКП(б), КПК республик, СНК СССР, Комиссию советского контроля, судебные органы и прокуратуру, а также в органы НКВД и поданные в закрытом виде, надлежало немедленно направлять в Управление ИТЛ для пересылки непосредственно адресатам без ознакомления с

содержанием [11]. Должностные лица, допустившие вскрытие таких конвертов, ознакомление с их содержанием, подлежали ответственности.

Однако большинство норм, касающихся этих и других прав заключенных, были не более чем декларацией. А в самой Инструкции-1939 содержались нормы, которые отражали всесилие в стране административно-командной системы. Речь идет, в частности, о возможности запрета свиданий и переписки заключенных со своими родственниками и в целом предоставлении руководителям ИТЛ достаточно большого субъективного усмотрения в определении как условий жизни и труда заключенных, так и в целом их судьбы. Кроме того, данную Инструкцию-1939 нельзя вырывать из контекста общей уголовно-правовой и пенитенциарной политики советского государства того периода, предполагающей осуждение и направление в ИТЛ за деяния, которые в других странах уже давно были нормальным явлением политической жизни (например, за ту же так называемую антисоветскую пропаганду, являвшуюся по сути обычной оппозиционной деятельностью).

Собственно в «режимном» смысле характерными были прямые запреты, установленные для заключенных в ст. 47 Инструкции-1939. Так, заключенным запрещались: выход без разрешения за пределы отведенной для свободного хождения территории; картежные и другие азартные игры; распитие спиртных напитков; хранение запрещенных предметов, спиртных напитков, наркотиков и т. п.; отправка корреспонденции неустановленным порядком. Согласно ст. 49 «категорически запрещается хранить в бараках производственный инструмент. Последний по окончании работ должен быть под ответственность бригадира сдан в специальное хранилище вне зоны» [11]. При этом обоснованным можно считать запрет заключенным иметь оружие, все виды алкогольных напитков, наркотические средства, лекарства, острые предметы (ножи, бритвы, ножницы, пилки и т.п.), игральные карты, одеколон, различные документы, деньги, облигации, военно-топографические карты, планы местности и карты районов [13, с. 81].

Инструкция-1939 довольно подробно определяла также бесконвойное передвижение заключенных, порядок выхода заключенных за пределы ИТЛ. Так, согласно ст. 65 Инструкции бесконвойное передвижение за пределы зоны лагерного подразделения допускалось в исключительных случаях, когда это вызывалось особыми условиями производства, и при обязательном соблюдении порядка, включающего в себя, в частности, категорический запрет расконвоирования осужденных за террор, шпионаж, измену родине, диверсию, участие в контрреволюционных троцкистских, зиновьевских, правых организациях, а также в других антисоветских организациях, участников фашистских и националистических организаций, перебежчиков, членов антисоветских партий (меньшевики, эсеры и др.) и иноподданных, независимо от состава их преступления, а также осужденных за бандитизм и вооруженный разбой. При расконвоировании начальники отделений, районов и отдельных лагпунктов обязаны были учитывать характер совершенного преступления и поведение заключенного в лагере; бесконвойное передвижение допускалось только от лагпункта до места работ, и только для лиц, имеющих групповые (бригадные) или индивидуальные пропуска. В каждом пропуске обязательно указывались маршрут движения и срок действия выданного пропуска. Охрана ИТЛ обязана была систематически проверять маршруты движения бесконвойных и наблюдать за поведением бесконвойных заключенных [11]. За нарушение маршрута движения заключенные привлекались к дисциплинарной ответственности.

Как видно, режимные требования регулировались достаточно четко, многие были жесткими. Вместе с тем немало и таких, которые такими назвать нельзя. Но это формально. Фактически же в ИТЛ условия содержания заключенных в значительной, а нередко в решающей степени, определялось субъективными решениями администрации ИТЛ, часто

не соблюдавших нормативно-правовые требования. Чаще всего устные распоряжения, пожелания вышестоящих начальников или даже личные амбиции сотрудников надзирательной службы и охраны, работников административно-командного аппарата становились решающим фактором в определении характера режимных требований по содержанию заключенных [14, с. 7]. Но и нормативные положения, как отмечалось выше, также нельзя назвать мягкими. Можно добавить к этому, что в каждом лагерном пункте или в отделении, районе для нескольких лагерных пунктов организуется штрафной изолятор, расположенный за зоной лагпункта, куда водворялись заключенные, нарушающие лагерный режим, совершившие различные проступки и отказывающиеся от работы, в отн числе предусматривались одиночные камеры (карцер), ннаходящимся в которых заключенным выдавалось 400 гр. хлеба в сутки и кипяток и один раз в три дня жидкая (горячая) пища.

Следует заметить, что заложенные в Инструкции-1939 основы режима содержания заключенных и их охраны станут основой для регулирования и решения этих вопросов почти до конца существования СССР. Введение этой инструкции в определенной степени способствовало укреплению режима в ИТЛ, учитывая, что в части его соблюдения имелось немало недостатков. Однако и после введения Инструкции в действие недостатки также имели место. Для примера можно привести факт массовых неповиновений заключенных весной 1941 г. в Актюбинском ИТЛ, по поводу чего были издан специальный Приказ НКВД СССР «О групповом побеге заключенных из Актюбинского ИТЛ» [15, л. 138-139]. В приказе сообщалось, что группа из трех заключенных убили инженера строительства . и стрелка военизированной охраны совершили побег, а позже. при задержании оказали вооруженное сопротивление. Побег заключенных из Актюбинского ИТЛ имели место и ранее. В Приказе указывалось, в частности, что начальник оперативно-чекистского отделения Матяев Ф.И. проявил бездеятельность в деле организации агентурного обслуживания заключенных, а начальник военизированной охраны Щербенко А.И. не обеспечил охраны заключенных, не организовал должной дисциплины и бдительного несения службы командным составом и стрелками военизированной охраны [15, л. 138-139]. Указанные и многие другие сотрудники ИТЛ получили дисциплинарные взыскания.

Выше отмечалось, заключенные, содержащиеся в ИТЛ, использовались в качестве дешевой рабочей силы в государственно-экономических целях, причем это началось еще с начала 1920-х гг. (В.А. Бердинских показывает это на примере Соловецкого лагеря [16]), но массовый характер такой подход стал получать в 1930-е гг. В литературе такой подход в абсолютном большинстве работ оценивается негативно; но есть и иные оценки, в частности, указывается, что «специфика ГУЛАГа заключалась в тесном переплетении и взаимообусловленности пенитенциарных и экономических задач, что нашло свое отражение в его организационно-правовой системе. В сложных политических и социально-экономических условиях кадровый состав ГУЛАГа сумел организовать работу многотысячных коллективов для решения важнейших экономических задач на огромных пространствах СССР. История ГУЛАГа является важной частью истории Российского государства и в концентрированном виде отражает всю сложность и противоречивость сталинского времени» [17, с. 74].

Однако нас интересует более узкий аспект, нашедший отражение, в частности, в работе И.В. Зыкина, где применительно к рассматриваемому периоду отмечается, что «выполнение производственных программ исправительно-трудовыми лагерями осуществлялось, как правило, за счет сверхэксплуатации заключенных ... При этом не всегда лагерная система была готова признавать и исправлять нарушения законности в отношении заключенных ... Руководство лагерей, ОГПУ знало о нарушениях, но могло «не

обращать внимания» на них, пока на повестке дня были амбициозные задачи индустриализации и активная борьба с «врагами Советской власти» [18, с. 38].

Как видно, требование «план любой ценой» относилось не только к гражданским предприятиям, но и к ИТЛ, и не только в лесопромышленном комплексе, о чем пишет И.В. Зыкин, но и в других отраслях экономики, разумеется, с учетом режимных требований для заключенных. Но вот как раз режимные требования нередко целенаправленно нарушались самой администрацией ИТЛ с тем, чтобы «дать план». Такое явление показывает противоречивый характер деятельности ИТЛ в части обеспечения режима содержания заключенных. (здесь же заметим, что такая же противоречивость в столкновении «план-режим», но в меньшей степени, будет проявляться и в дальнейшем вплоть до конца существования советского государства) [19, с. 403], поскольку «Использование принудительного труда заключенных в исправительно-трудовых лагерях играло важную роль в плановой экономике советского государства» [20, с. 275]. В целом в рассматриваемый период сложилась нормативно-правовая база обеспечения режима содержания заключенных в ИТЛ, которая частично функционировала в годы Великой Отечественной войны. В военный период режимных требований для заключенных в ИТЛ стало больше. А после окончания Великой Отечественной войны для лиц, совершивших тяжкие преступления против советского государства в военные годы и иных преступников, связанных с войной, были созданы особые ИТЛ (в 1948 г.), в которых режим содержания заключенных был неизмеримо более жестким. В дальнейшем смягчение режима содержания заключенных стало осуществляться только после смерти Сталина, а к рубежу 1960 г. ИТЛ как вид исправительно-трудовых учреждений были упразднены.

Список литературы:

1. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918-1920 гг.). М., 1962.
2. Постановление СНК СССР от 11.07.929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных» // Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1960: сб. док. /сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 1997. С. 64-65.
3. Положение об исправительно-трудовых лагерях (Утв. Постановлением СНК СССР 07.04.1930 г.) // СЗ СССР. 1930. № 22. Ст. 248.
4. Ковалев Н. С. Принцип равенства осужденных перед законом в российском уголовно-исполнительном (исправительно-трудовом) праве: от немыслимой идеи до фундаментального положения законодательства // Вестник Кузбасского института. 2024. № 1. С. 146-159.
5. Лебедев А.И. Политические репрессии против студентов вузов Перми в 1930-е гг. // Культурный код. 2025. № 4. С. 129-144.
6. Шарин М.С. Взаимосвязь понятий «государственный терроризм» и «политические репрессии» относительно периода формирования сталинской диктатуры (конец 1920-х-1930-е годы) // Инновационная наука. 2025. № 2. С. 105-108.
7. Мишина Е.М. «Книги памяти» жертв политических репрессий в СССР как источник для реконструкции социального портрета репрессированных в 1935-1937 гг.: анализ полноты и репрезентативности данных // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: «История». 2022. № 80. С. 152-162.
8. Вышинский А.Я. Предисловие к кн.: Авербах И.Л. От преступления к труду. М., 1936.

9. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры Хлевнюк. М., 2010.
10. Приказ НКВД СССР «О состоянии военизированной охраны лагерей НКВД» от 05.06. 1938 г. // ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп. 1. Д. 499.
11. Приказ НКВД СССР об объявлении «Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях» от 02. 08. 1939 г. // ГУЛАГ. 1918-1960. Сб. док. / Отв. ред. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: Росспэн, 2000. С. 456-476.
12. Федотова И.Н. Лагерная экономика в СССР: к историо-графии вопроса об эффективности принудительного труда. // Историко-экономические исследования. 2020. № 4. С. 555-576.
13. Суверов Е.В., Шашин Д.Г. Детерминанты деятельности сотрудников НКВД в 1930-е годы применительно к особенностям реализации принципа законности в исправительно-трудовых учреждениях // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 79-86.
14. Чекулаев С.Ю. Режим содержания заключенных в ИТЛ и ИТК: организационные и правовые основы: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2010.
15. Приказ НКВД СССР «О групповом побеге заключенных из Актюбинского ИТЛ» от 25. 04. 1941 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 87. Л. 138-139.
16. Бердинских В.А. ГУЛАГ как неизбежность развития советской системы (1920-е годы) / В.А. Бердинских // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. Серия «История и филология». 2023. № 1. С. 103-110.
17. Манохин И.С. О Юридической оценке деятельности тюремно-лагерной системы СССР (ГУЛАГа) в 1930-1950-е годы // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2. С. 66-74.
18. Зыкин И.В. Лесопромышленный комплекс Советского Союза в стратегии и практике индустриально модернизации (конец 1920-х – начало 1940-х гг.): дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2025.
19. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития: монография. Санкт-Петербург, 2004.
20. Абдуразаков Х.К., Нарматов Х.Б., Истамкулов Ж.И. Система мест лишения свободы СССР в период с конца 1930 по 1940 гг. // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5. С. 273-276.

References:

1. Program of the Russian Communist Party (Bolsheviks) // The Party during Foreign Military Intervention and Civil War (1918-1920). Moscow, 1962.
2. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of July 11, 1929 "On the Use of the Labor of Criminal Prisoners" // Lubyanka. Cheka-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB. 1917-1960: collection of documents / compiled by A.I. Kokurin, N.V. Petrov. Moscow, 1997. pp. 64-65.
3. Regulation on Correctional Labor Camps (Approved by Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of April 7, 1930) // Collected Legislation of the USSR. 1930. No. 22. Art. 248.

4. Kovalev N. S. The Principle of Equality of Convicts Before the Law in Russian Criminal-Executive (Corrective Labor) Law: From an Unthinkable Idea to a Fundamental Provision of Legislation // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2024. No. 1. pp. 146-159.
5. Lebedev A. I. Political Repressions against University Students in Perm in the 1930s // Cultural Code. 2025. No. 4. pp. 129-144.
6. Sharin M. S. The Relationship between the Concepts of "State Terrorism" and "Political Repressions" in Relation to the Formation of Stalin's Dictatorship (Late 1920s-1930s) // Innovative Science. 2025. No. 2. pp. 105-108.
7. Mishina E.M. "Books of Memory" of Victims of Political Repression in the USSR as a Source for Reconstructing the Social Portrait of Those Repressed in 1935-1937: Analysis of Data Completeness and Representativeness // Bulletin of Tomsk State University. Series: "History". 2022. No. 80. Pp. 152-162.
8. Vyshinsky A.Ya. Preface to the book: Averbakh I.L. From Crime to Labor. Moscow, 1936.
9. Khlevnyuk O.V. Master. Stalin and the Establishment of Stalin's Dictatorship Khlevnyuk. Moscow, 2010.
10. Order of the NKVD of the USSR "On the State of the Militarized Guard of the NKVD Camps" dated 05.06. 1938 // GARF. F.R-9401. Op. 1. D. 499.
11. Order of the NKVD of the USSR on the announcement of the "Temporary Instruction on the Regime of Detention of Prisoners in Correctional Labor Camps" dated August 2, 1939 // GULAG. 1918-1960. Coll. doc. / Ed. A.I. Kokurin, N.V. Petrov. Moscow: Rosspen, 2000. Pp. 456-476.
12. Fedotova I.N. Camp Economy in the USSR: Toward a Historiography of the Effectiveness of Forced Labor // Historical and Economic Studies. 2020. No. 4. Pp. 555-576.
13. Suverov E.V., Shashin D.G. Determinants of the Activities of NKVD Officers in the 1930s in Relation to the Specifics of Implementing the Principle of Legality in Correctional Labor Institutions // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1. pp. 79-86.
14. Chekulaev S. Yu. The Regime of Prisoners' Detention in Corrective Labor Camps and Penal Colonies: Organizational and Legal Foundations: Diss. ... Cand. of Law. Vladimir, 2010.
15. Order of the NKVD of the USSR "On the Group Escape of Prisoners from the Aktyubinsk Corrective Labor Camp" dated April 25, 1941 // GARF. F. R-9401. Op. 1a. D. 87. L. 138-139.
16. Berdinskikh V.A. The Gulag as an Inevitability of the Development of the Soviet System (1920s) / V.A. Berdinskikh // Bulletin of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". 2023. No. 1. pp. 103-110.
17. Manokhin I.S. On the Legal Assessment of the Activities of the Prison and Camp System of the USSR (GULAG) in the 1930s-1950s // Bulletin of the Samara Law Institute. 2023. No. 2. pp. 66-74.
18. Zykin I.V. The Forestry Complex of the Soviet Union in the Strategy and Practice of Industrial Modernization (Late 1920s - Early 1940s): Diss. ... Doctor of History. Ekaterinburg, 2025.
19. Uporov I.V. Penitentiary Policy of Russia in the 18th-20th Centuries: Historical and Legal Analysis of Development Trends: Monograph. St. Petersburg, 2004.

20. Abdurazakov H.K., Narmatov H.B., Istamkulov Z.I. The System of Places of Deprivation of Liberty in the USSR from the Late 1930s to the 1940s // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 5. pp. 273–276.